

УДК 17.02

В.А. КОСТЕНИЧ

БЫТИЙНЫЕ ИПОСТАСИ ЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье предпринята попытка теоретически реконструировать бытующие в сфере повседневности “типы этических ориентаций” и сопутствующие им комплексы ценностных приоритетов. Мироззренчески проанализированы фундаментальные дилеммы морального выбора (сущего и должного, целесообразности и добродетельности, свободы и совести).

Введение

Природа “этического” (как социокультурного феномена) является мировоззренческим средоточием поисков специфики “человеческого”. В этом смысловом контексте диогеновское “Ищу человека!” и геростратовские “освенцимы” человеческой истории лишь полярные свидетельства перипетий человеческого бытия.

Одним из фундаментальных аспектов этического сознания выступает вопрос о соотношении “нравственности” и “морали” [1]. Фактически данная проблема заложена в самом определении этики как науки о нравственных и моральных размерностях человеческого существования. В этой связи приходится говорить о двух относительно автономных способах осуществления людьми своей “экзистенциальной социальности”. Это так называемые “Homo publicus” и “Homo moralis”. Каждому из этих “типов” бытийных ориентаций можно поставить в соответствие **определенные поведенческие топологии**, которые характеризуют их отношение к дилемме соотношения сущего и должного, задающей исходную лексику этического сознания.

Основная часть

“Публично” ориентированный субъект существует в мире “корпоративно верифицированных Других”. Он живет в системе социальных координат, описываемой посредством оппозиции “МЫ – ОНИ” и тяготеет к тому, чтобы “приМЫкать” к тем **ценностно консолидированным “социумам”**, в солидарном сосуществовании с “нравами” которых данный человеческий персонаж ощущает себя социально адаптированным и индивидуально защищенным институтами “круговой поруки”. Сверхзадача подобного способа существования сводится к стремлению быть как “Все (авторитетные для него) Другие”. Или, выражаясь этимологично, **“БЫТствовать”** в роли “публично приличного” человека, **растворившего** свою персональную ответственность в (от)ссылках на Других.

Напротив, **“морально” ориентированный человек** принципиально меняет условия своего присутствия в бытии. Безличная нравственная “причастность” к стихийному пребыванию в мире “значимых Других” трансформируется в **“лично озабоченное” существование**. Абстрактная дилемма соотношения сущего и должного обретает для человека “персональную” ангажированность.

На наш взгляд, **наиболее емким и точным определением “морального” способа существования** является использованная в работах М. Бахтина философема **“не-алиби в бытии”** [2]. Данная концептуальная диагностика фиксирует то обстоятельство, по которому “должное поведение” становится для человека его

личностным экзистенциальным “уделом”. Добро и Зло, Честь и Бесчестие, Справедливость и Несправедливость превращаются в принципы “внутреннего” (выстроенного на свой страх и риск) и под **абсолютную личностную ответственность** существования. “Свои Другие” и всякое (вольное или невольное) “Зло” замещаются вневременной “Голгофой Совести”, отвергающей любые “нравственные” соблазны (и) “оправдания”. Человеческое существование обретает личностную глубину неотменимого “авторства в бытии”.

Бытийные векторы **морально ориентированного субъекта** группируются вокруг следующих антиномичных вопрошаний: трансцендентны или имманентны самому человеку бытийные истоки его поведенческих самоопределений? Насколько “самобытен” (моральный) человек в процессе своей жизнедеятельности? Судьбоносен ли он для самого себя или же человеку, как и всему сущему, уготована участь “бытия сподручным” для каких-то внешних бытийных инстанций?

Наиболее остро и принципиально подобные вопрошания возникают при анализе религиозной версии экспликации этической проблематики. Религиозное сознание постулирует трансцендентный характер этических “заповедей”. Моральность – это содержательная форма реализации “договора” между человеком и Творцом; “момент Истины” для грешного человеческого существа, взыскующего утраченного “богоподобия”; перманентный и “посюсторонний Страшный суд” человеческой временности перед лицом Вечности.

Итак, “если бы Бога не было, тогда его следовало бы выдумать” (Вольтер), дабы “не все было позволено” (Достоевский). Бог (здесь) – субстанция подлинной и безусловной “благости”. Бог – “Добро до добра”, а человеческое “благородство” фактически лишь символ благодатной “богоизбранности”. Но в таком случае как быть с эверестами многоликого зла, которыми избыточно изобилует Творение? Каковы истоки грехопадений и смысловые ипостаси спасения? И что можно сказать о “метафизике вины” в мире, полном цинизма властимущих и страданий праведников? Наконец, можно ли вменять “в заслугу” именно человеку праведность и добродетельность, если “добро от Бога”?

В поисках богоопрядания религиозное сознание совершает весьма эффективную мировоззренческую контрататуку. Герменевтическому пересмотру подвергается традиционный религиозный дискурс “первородного греха”. Отныне главное в нем не негодование к падшему перед искушением запретного плода человеку, а “парадокс божьего наказания”, выразившийся в “наказании... Свободой”. Бог “освобождает” человека от “райского бремени” подчинения своим наставлениям, но вменяет людям (в “возможность”) бремя ответственности за право выбирать между их собственным “пониманием” Добра и Зла. С момента изгнания из рая безмятежной несвободы “Бог может все, но он не может спасти человека без самого человека”, а Грех – это не (с)только конкретное Зло, сколько “самоубийственный” для божественной сути каждого человека “промах мимо цели”, т.е. экзистенциальная катастрофа **смысложизненных ориентаций самого человека**.

Казалось бы, религиозная этика сумела достойно преодолеть свои внутренние противоречия. Однако на самом деле эти противоречия лишь бесконечно акцентированы. Дело в том, что сама дарованная человеку “свобода к самоопределению” уже больше не предполагает Бога как онтологическое обеспечение человеческой моральности и “гипотеза Бога” (как Творца и Вседержителя) может быть сдана в исторический архив человеческой памяти.

Более того, на первый взгляд, кощунственное ницшеанское “Бог умер” репрезентирует собой не атеистический манифест безбожников, а всего лишь образную констатацию смены мировоззренческих вех в вопросе об “авторе моральных регламентаций”. В свою очередь, кантовский категорический императив практического Разума и гегелевская дедукция морали из нравственности оказываются косвенным подтверждением того, что стихия обезличенного нравственного сосуществования “со всеми и как все” сменяется ответственным личностным долженствованием, где каждый человек обязан взвалить на себя миссию быть возможным и вместе с тем уникальным экзистенциальным гарантом и “пастухом бытия” в целом. Моральное кредо человека отныне звучит жестко и обязывающее: “не бойся Бога, бойся самого себя! Ад и рай находятся в твоей собственной душе” (Маршалль).

И все же религиозное обоснование моральности (и шире – человечности) отнюдь не перестает быть продуктивной объяснительной схемой, ибо оно ценностно драматизирует не только тему “свободы выбора”, но и нечто более важное для морального самостояния человеческой личности.

Речь идет о том, “превращенной религиозной формой” чего выступает событие “исповеди”. Субстанцией исповеди оказывается не “вынужденное” и потому аморальное (в своих претензиях на “прощение”) “раскаianie”, но возвращение человеком себя к “Истине собственного несовершенства”. Именно потому что человек несовершенен, проблема (свободного) выбора между Добром и Злом оказывается “божественно предельной” по своим истокам и глобальной ответственности.

В таком случае абсолютность моральных императивов с их титаническим ригоризмом безусловных долженствований, в свою очередь, производна от “абсолютной оккупированности” человека “божественным ресурсом” избрания личностных транскрипций всех моральных предписаний. “Этическим Богом” становится “творящий ответственность” за все бытие, “распятый совестью” человек! Эсхатологизм традиционных мировых религий с их изначальным предопределением всего и вся уступает (в этике) свой мировоззренческий трон драмам (“произвольного прочтения”) человеком текстов сущего. Теодицея сотворенного мира трансформируется в антроподицею “режиссирующего бытие” человека.

Если теперь попытаться предельно кратко и лаконично обозначить фундаментальное этическое основание человеческого существования, то таковым, безусловно, оказывается ситуация морального выбора. Именно в процессе самоопределения в полифонии поведенческих сценариев человек сталкивается с необходимостью выбора ценностных предпочтений своего присутствия в бытии.

Но если квинтэссенцией всех этических содержаний провозглашается “событие выбора” определенной (субъективной) онтологии “должного сущего”, тогда каковы наиболее знаковые моральные альтернативы самого этого выбора? В контексте каких смылосущих сюжетов разворачивается автобиография наших предъявлений собственной ответственности?

Хрестоматийно проблема морального выбора редуцируется к проблеме выбора между Добром и Злом. Однако это слишком абстрактная и спекулятивная постановка вопроса, ибо “Мы не Боги” и нам не дано “знать” абсолютно и по Истине, “что есть Добро и Зло?”. Особенно когда речь идет о Добре и Зле в их глубинной, не феноменологической проекции. Более того, именно Добро кажется типичным порождением “языковых игр”. Есть “добродейания и добродетели”, но парадоксальным образом не поддается речевой артикуляции сама “сущность” Добра.

Речевой – нет! Но вспомним библейскую метафору: “И по делам узнаете их...”. Однако “дела” априорно детерминированы “предпочтениями”! Следовательно, посредством аналитики наших ценностных ориентаций мы можем получить шанс “свидетельствовать” о Добре как о “реальности” самого бытия. Итак, через “антологию (повседневных) предпочтений” к “(бытийной) онтологии Добра”!

В этической литературе обсуждается целый ряд мировоззренческих парадигм человеческого существования. Это и кантовская дилемма склонностей и долга, и гегелевская дихотомия нравственно “общепринятого” и морально “общезначимого”, и марксистский посыл “революционной практики” народных масс, и экзистенциалистский “бунт против абсурдности обезличенного бытия”, и фроммовская оппозиция “иметь многое или быть многим”, и экологически фундированный призыв А. Швейцера к “благоговению перед жизнью” [3]. В них, разумеется, схвачены и отражены принципиальные векторы нашей возможной активности. Каждая из названных поведенческих стратегий характеризует то или иное приоритетное направление многообразных социальных практик. И, тем не менее, они “факультативны” по отношению к более общей моральной антиномии, наделяющей их статусом своих “экзистенциальных модальностей”.

По нашему мнению, качеством “порождающей матрицы” всех остальных этических детерминант человеческого бытия выступает оппозиция “Блага и Благополучия”. Или, в терминологии Вл. Соловьева, аксиологический конфликт между “безусловно должным” и “безусловно желательным” [4]. Именно здесь зарождаются и ценностно кристаллизуются все последующие корректуры наших моральных самоопределений. Здесь же располагается граница тождества и различия моральных ориентиров и прагматических (нравственных) “ориентировок”. Наконец, в зоне экзистенциального соприкосновения этих мировоззренческих ракурсов восприятия бытия самообнажается подпольная семантика (грехо)падения в повседневность.

Попробуем объяснить. Поставим вопрос ребром: “Ради чего человеку следует быть (добродетельным) Человеком”? К сожалению, на этот “аморальный” (для нашей моральности) вопрос мы полагаем возможным отвечать. Отвечать, не понимая того, что тем самым нас лукаво “искушают” отказаться от жизни в системе абсолютных координат. Отказаться в пользу идолов “пользы и выгоды”. Расписаться в привязанности не к Добру, а к лакейскому смакованию “успеха и преуспевания”. “Добро” низводится до уровня одного из многих “благ”, а выбор между “Добром и Злом” подменяется выбором ситуативно приемлемого благополучия. Абсолютное испаряется! Торжествует Относительное!

Не будем ханжами! Мы не против благополучия! Но мы против того, чтобы благополучие определяло масштабы нашей человеческой подлинности! Соблазняло тонуть в гордыне купеческого бахвальства! Культивировало “бартерную философию” утилитаризма: “Я – тебе (если, потому и для того, чтобы), Ты – мне”! Выстраивало гедонистические западни циничных погонь за “удовольствиями и наслаждениями”. Призрачно сулило эвдемонистический “рай счастья” даже перед лицом трагических несовершенств сущего.

Но если вопрос о “пользе добродетельного бытия” выступает аксиологической провокацией нашего ответственного “самостояния в должном”, тогда какова изначальная альтернатива подобным “псевдвопросам”? Откуда возникает эта риторика неявного аморализма, полагающая, что у всего есть “цена” и только она выражает собой “действительную ценность”?

Мы полагаем, что в истоках любых ценностных оппозиций нашего экзистенциального самоопределения присутствует в качестве мировоззренческого лейтмотива и имманентной доминанты **драматическая коллизия “целей и Смыслов”**. Человек – существо “целесообразное”. Он стремится к тому, чтобы его жизнедеятельность отвечала рационалистическим стандартам эффективности и результативности.

Ориентация на цели кажется естественной и само собой разумеющейся. Достижение цели возводится в архетипический принцип существования. Это высшее (земное) “Благо” обычного человека. Награда и индульгенция одновременно. “Победителей не судят”! Добродетельность всего лишь “мораль слабых” (Ницше), плебеев истории, аутсайдеров всех эпох. Добродетельность допустима там и тогда, где и когда она “технологически” оправдана, встроена в систему “избранных средств”. Не менее и не более того!

Но, к счастью, возможно и иное “прочтение” драм человеческого бытия. В контексте этой “возможности” человек своими поступками мужественно заявляет себе и “маннам небесным благополучия”, что готов жить, руководствуясь героической формулой “Пусть здравствует только то, благодаря чему каждый из нас остается Человеком несмотря ни на что”! **Это жизнь в поисках Смысла личностного предназначения!** Скромное, но не смиренное приятие своей неповторимой миссии в бытии. Причем “Смысл” (разумеется, в оптике быта) может выглядеть и как одна из “целей”, но на самом деле он “бесцелен”, ибо “бесценен”.

Когда известный литературный персонаж “Тот самый Мюнхгаузен” формулировал в своем дневнике некоторые “планы на будущее”, то среди них фигурировало и поручение (самому себе) “в понедельник совершить подвиг”. Чем не “достойная цель” достойного человека? Можно было бы предписать себе еще и “стать добродетельным человеком”! Опять-таки “с Понедельника”! И так далее, и в том же духе! Разве этот пример не является карикатурным самоотрицанием гипертрофии целей в нашем повседневном бытии? Разве не ясно, что “подвиг, добродетельность, любовь” и иже с ними не могут быть “детьми понедельников”? **Они послы бескорыстной (чело)Вечности, а не фантомы суетливой и захваченной заботами благополучия гордыни.**

Заключение

Итак, если (совершенный) Бог не виновен в несовершенстве сотворенного бытия, тогда в нем “виновен” Человек. Но не столько потому, что “несовершенно” пользуется предоставленной ему (Богом) свободой “быть несовершенным”, а потому что несовершенен “еще до” всякой свободы.

Несовершенство – и бытийный исток (этически окрашенной) “вины”, и источник “бремени свободы”, и зов Совести к совершенствованию.

Человек (морально) распят между Свободой и Совестью, где именно Совесть оказывается неустранимым напоминанием о вине извечного несовершенства, а Свобода лишь расширенно воспроизводит эту вину и ее экзистенциальные последствия в череде “ответственных поступков”.

Следует также помнить, что моральное бытие, сфокусированное на “смыслах человечности”, рассматривает “цели” в качестве своих частичных аппликаций “должного в сущем”, очерчивает арсеналы нравственно допустимых “средств”. И тем самым задает критерии различения “подлинно доброго” от его всевозможных псевдоимитаций!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Беляева, Е.В.* Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. – Минск: Экономпресс, 2007. – 464 с.
2. *Махлин, В.Л.* Михаил Бахтин: философия поступка / В.Л. Махлин. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
3. *Дробницкий, О.Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк / О.Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1974. – 388 с.
4. *Соловьев, В.С.* Оправдание добра / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1.

Поступила в редакцию 23.10.2012 г.